

Ирина Гордеева

Идея мирной революции в российском радикально- пацифистском движении первой трети XX века

Irina Gordeeva

The Idea of Nonviolent Revolution in the Russian Radical Pacifist Movement
of the First Third of the 20th Century

Ирина Гордеева (Центр современной истории, Потсдам, Германия, научный сотрудник; кандидат исторических наук) gordeeva@zzf-potsdam.de.

Irina Gordeeva (PhD; Research Fellow, Leibniz Centre for Contemporary History, ZZf Potsdam) gordeeva@zzf-potsdam.de.

Ключевые слова: гражданское неповиновение, мирная революция, ненасилие, отказ от военной службы, радикально-пацифистское движение, толстовское движение

Key words: civil disobedience, nonviolent revolution, nonviolence, conscientious objection, radical pacifist movement, Tolstoyan movement

УДК: 94(47).083

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_261

UDC: 94(47).083

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_261

Статья посвящена истории создания толстовцами в начале XX века концепции мирной революции как альтернативы насильственно-революционному пути. В ней прослеживается развитие концептуального содержания этой идеи и организационная работа толстовцев по строительству радикально-пацифистского движения. Показано, что концепция мирной революции создавалась на основе идей Толстого, а также с учетом народных традиций пассивного сопротивления. Толстовцы и сектанты-пацифисты после 1917 года воспринимали себя в качестве участников мирной духовной революции, которая осуществляется параллельно насильственной революции большевиков.

The article deals with a history of emergence of the concept of nonviolent revolution as an alternative to violent revolution, created by Tolstoyans at the beginning of 20th century. The author traces the development of the idea and organization efforts of the Tolstoyans to build their radical pacifist movement. The article shows that the concept of the nonviolent revolution was created on the basis of Tolstoy's ideas as well as folk traditions of passive resistance. The Tolstoyans and sectarian pacifists after the 1917 perceived themselves as participants of the peaceful, spiritual revolution, which is carried out in parallel with the violent revolution of the Bolsheviks.

Понятие «революция», которое появилось в Новое время и приобрело современное значение во время Французской революции, многослойно. В нем противоречиво сочетаются два семантических поля: одно связано с восстанием, связанным обычно с насилием и нацеленным на смену государственного строя, второе отсылает к представлениям о всесторонних, глубоких и долгосрочных изменениях общества, и в этом втором определении уже отсутствует обязательная связь с насилием [Бульст и др. 2014: 522].

В российских гуманитарных науках почти не используется идущее от Просвещения определение революции, которое акцентируют внимание на ненасильственной компоненте революционных трансформаций. Ее отдельные

аспекты используются в российской пропагандистской литературе двух последних десятилетий в контексте критики «цветных» революций, «технологии» осуществления которых описываются как продукт экспорта из-за рубежа. Существование подобного стереотипа стало возможным в том числе в связи с отсутствием в России peace studies¹, неизученностью российских традиций ненасилия и пацифистского движения.

В центре «просветительской» традиции толкования революции находится идея мирной революции как процесса духовного и даже религиозного перерождения, «революции в сознании», «освобождения человеческой совести», без которых «никакая политическая революция произойти не может» [Там же: 636, 660]. В XIX веке представления о мирной, бескровной революции слились с понятиями «эволюция» и «реформы», и этот кластер значений стал антонимом тому распространенному и поныне понятию «революция», атрибутами которого являются внезапность и применение насилия [Там же: 630, 669]. История возникновения и бытования идеи мирной революции в России также имеет явственную религиозную подоплеку, она связана с историей религиозно-общественных движений конца XIX — XX века, религиозными традициями решения социального вопроса и альтернативными движениями второй половины XX века.

Коммунитарное движение как альтернатива насильственной революции

Концепция «мирной революции» была создана в России в начале XX в. представителями радикально-пацифистского движения. Организаторами этого движения были толстовцы. Их пацифизм зародился в рамках коммунитарного направления народнического движения 1870—1890-х годов. Коммунитарное движение — это общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путем внутреннего духовного перерождения человека в условиях небольшой общины единомышленников [Bestor 1948]. Участниками коммунитарного движения были представители нескольких кружков нигилистов-шестидесятников, ученики А.Н. Энгельгардта, «богочеловеки» А.К. Маликова, Н.Н. Неплюев и его единомышленники, толстовцы и другие богоискатели последней четверти XIX — начала XX века. Для некоторых из них выбор «мирного» определения революции был реакцией на собственный опыт участия в революционном движении. Участники коммунитарного движения ставили радикальные цели по изменению общества через изменение сознания человека, в терминах революции они еще не мыслили, а, напротив, противопоставляли свой идеал революционному, ассоциируя последний прежде всего с насильственными методами изменения общества [Соловьев 1998; Гордеева 2017].

1 Изучение мира (*англ.*) — научная дисциплина, посвященная исследованию условий мирного сосуществования людей и причин возникновения вооруженных конфликтов (*Примеч. ред.*).

Зарождение толстовского радикального пацифизма в конце XIX — начале XX века

Толстовство — это этическое течение и религиозно-общественное движение, возникшее в России в конце 1880-х, а в других странах в 1890-х годах под влиянием работ Льва Толстого. Толстовцы определяли себя через понятие свободы: они предпочитали называться «свободными христианами» или представителями «свободно-религиозного» мировоззрения. Они не имели и не пытались выработать общую доктрину, их круг был пестрым в религиозном и идеологическом отношении и базировался скорее на общей этической платформе: учении о совести как голосе Бога в человеке, который превосходит все внешние авторитеты, включая государство и церковь, представлении о всеобщем братстве людей, а также ценностях и идеях ненасилия и свободы совести. На базе этой общей платформы часть толстовцев в начале XX века пыталась создать настоящее общественное движение.

Основы их концепции «мирной революции» были заложены религиозно-общественной публицистикой Л.Н. Толстого. «Деятельность участников прежних революций состояла в насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устроении своей жизни независимо от правительства», — писал Толстой в 1905 г. в статье «Конец века» [Толстой 1936: 257]. «Истинную революцию» Толстой мыслил как акт «христианского непослушания» самого народа: отказ от исполнения предписаний светских и церковных властей, от военной и полицейской службы, от подчинения начальству, уплаты налогов и работы на помещиков и капиталистов и т.п. Он верил в то, что если все перестанут подчиняться насильственному государству, станут «жить как свободные люди», то власть будет парализована и уничтожится рабство [Там же: 259].

Идея Толстого о мирной революции не предполагала коллективных действий или создания общественного движения. Вопрос об изменении социальных отношений был для него вопросом индивидуального религиозно-этического выбора каждого отдельного человека, его личных усилий по изменению собственной жизни. Он рекомендовал рабочим «направлять свои силы не на борьбу с правящими классами посредством бунтов, революций или социалистической деятельности, а только на себя, на то, чтобы жить лучше» [Толстой 1950: 147]. В рамках этого толстовского подхода следовало толстовское коммунитарное движение, которое в последней трети XIX века носило ярко выраженный эскапистский характер.

К переходу на позиции общественного активизма толстовцев подтолкнула работа «на голоде» в 1891—1892 годах, где они напрямую столкнулись с неспособностью государства решать масштабные социальные проблемы. Также на них произвела огромное впечатление история с закавказскими духоборами, которые в 1895 году массово отказались от военной службы, сожгли оружие, за что подверглись насилию со стороны властей. Наблюдая произвол российской власти и православной церкви, жестокие преследования сектантов, революционеров и вообще любых инакомыслящих, бедность простого народа и социальную несправедливость, толстовцы пришли к выводу, что изменение

жизни к лучшему имеет шанс на успех при условии координированных общественных действий в духе гражданского неповиновения. Поэтому они решили создать собственное общественное движение.

Идея мирной альтернативы насильственной революции в публицистике толстовцев начала XX века

Толстовцы активно занимались строительством своего движения с конца XIX века: они основывали периодические органы, печатали и распространяли литературу, формулировали свой идеал и вырабатывали программу, занимались народным просвещением, поиском единомышленников и союзников, обсуждали методы ненасильственного протеста, участвовали в публичных дискуссиях, защите свободы совести и отказчиков от военной службы, формировали сети взаимопомощи и, когда это стало возможным, учреждали общественные организации.

Особенно важными для развития движения были издательские проекты толстовцев. Уже с середины 1890-х годов толстовцы пытались издавать такие книги и статьи, которые могли бы стимулировать развитие радикально-пацифистского движения в Российской империи. В деле такой печати первым опытом толстовцев был неподцензурный «самиздатский» журнал «Архив Л.Н. Толстого», 12 номеров которого вышли в 1894—1896 годах при участии Толстого. Они состояли из перепечаток текстов самих толстовцев и западных христианских социалистов, анархистов и пацифистов с критикой существующего общественного строя, публикаций материалов по истории народно-религиозных движений и размышлений о том, каким образом можно вести ненасильственную борьбу с правительством. По свидетельству В.Д. Бонч-Бруевича, именно это положило начало распространения толстовства как одного из общественных движений: «...журнал этот широко читали в разных прогрессивных кружках, которых тогда тайно существовало очень много»².

Оказавшись в вынужденной эмиграции, толстовцы основали издательство «Свободное слово» с двумя центрами — в Англии и Швейцарии. Руководили им друзья Толстого Владимир Григорьевич Чертков и Павел Иванович Бирюков. Помимо серии книг и брошюр издательство имело три органа: «Листки “Свободного слова”» (1898—1902), журнал «Свободная мысль» (1899—1901) и газета «Свободное слово» (1901—1905). Толстовские журналы играли важную роль в дискуссиях европейских интеллектуалов по вопросу о взаимоотношениях между христианством и политикой, они «выступали как настоящие боевые органы, которые в открытой полемике с царской цензурой распространяли, вероятно, самую полную и свежую информацию о социальном и политическом положении в России и о произволе самодержавия» [Саломони 1997: 112].

Толстовская периодика распространялась среди сектантов, богоискателей и религиозных анархистов из разных слоев населения, также ее читали в студенческой и революционной среде. Открывая рубрику «Сведения из современной жизни в России» в № 8 «Листков “Свободного слова”» за 1899 год, Чертков

2 Бонч-Бруевич В.Д. Нелегальный журнал Л.Н. Толстого. [1953] // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369. Карт. 31. Ед. хр. 38. Л. 13.

заявлял, что целью его издания является влияние на общественное мнение, последствием чего будут народный «протест и отпор, без которых невозможно ни малейшее улучшение современного положения вещей» [Чертков 1899: 1]. Толстовская печать целенаправленно работала над проблемами этики и методов протеста, обращала внимание на особенности народного сопротивления экономическому угнетению и притеснениям свободы совести, а также на те методы, с помощью которых вело борьбу студенческое движение. Разработка идеи мирной революции велась на страницах «Свободного слова» толстовцами В.Г. Чертковым и И.М. Трегубовым.

В № 5 «Свободного слова» за 1903 г. Чертков опубликовал свою статью «Насильственная революция или христианское освобождение?» [Чертков 1903]. Годом позже она вышла в виде отдельной брошюры с предисловием Толстого [Чертков 1904]. Он начал с полемики с «так называемыми» революционерами, под которыми понимал сторонников насильственных методов борьбы. Чертков писал, что революционное насилие никогда не ведет к чему-то хорошему, оно лишь усиливает ответное насилие со стороны правительства, в результате страдания народа только увеличиваются [Там же: 21—22].

Христианское учение не допускает насилия, но, по Черткову, из этого вовсе не следует, что оно предписывает слепо подчиняться правительству. Он признавал необходимость бороться с самодержавной властью и менять ее, «когда она становится вредной для общественного блага» [Там же: 10—12], но делать это «человек христианского жизнепонимания» может только ненасильственными средствами, например с помощью гражданского неповиновения, как это показал в своей книге «О неповиновении» американский христианский публицист Эдин Балу.

С точки зрения Черткова, в революционном движении нет ничего нового, «это — вовсе не “революция” в настоящем смысле этого слова, революция значит “переворот”, а всякий истинный переворот в жизни людей всегда начинается внутри человека, в его сознании, и затем уже проявляется в изменении внешних общественных порядков» [Там же: 17]. Чертков утверждал, что подлинно революционным является учение Христа и что эту революционную сущность христианского учения уловил Толстой. Альтернативой насильственной революции может быть только мирная христианская революция через полное неповиновение правительству.

В этом первоначальном наброске концепции мирной революции было сильное влияние народнической идеи: Чертков считал, что «безгневное неповиновение» соответствует «тому добродушно-широкому нраву, который вообще присущ славянскому племени». Более того, Чертков был уверен, что именно русский народ понимает необходимость борьбы «не за замену худшего правительства лучшим правительством, а за то, чтобы не было никакого правительства вообще» [Там же: 50].

В это время толстовцы уже были уверены в необходимости коллективных действий. В 1903 году Иван Трегубов на страницах «Свободного слова» опубликовал статью о всеобщей мирной стачке [Трегубов 1903: 26]. Он отталкивался от тех работ о всеобщей стачке, которые в то время обсуждалась в кругу европейских социалистов как метод пассивного протеста, способный положить конец капиталистическому строю. По мнению Трегубова, кроме двух традиционных путей в жизни общества — «пути повиновения и пути насилия», возможен третий путь — «христианский путь» мирного сопротивления «с целью

установления социальной организации, не знающей никакого насилия». Для борьбы с «православно-самодержавным деспотизмом» Трегубов предлагал использовать испытанное средство коллективной борьбы рабочих — стачку, которая будет успешной лишь в том случае, если станет всеобщей и мирной.

Для того чтобы устроить такую стачку, по мнению Трегубова,

не надо даже выходить на улицы, совершать демонстрации, строить баррикады и производить насилие над представителями православия и самодержавия, а нужно только одно: всем спокойно, но твердо, решительно и одновременно отказаться от повиновения им и с этого дня не принимать в их делах уже никакого участия, о чем и заявить им устно или письменно [Там же].

Всеобщая мирная стачка заключается в отказе от участия в церковных обрядах и выполнении государственных повинностей, от несения воинской службы, она предполагает бойкот создания тех средств и объектов, которые позволяют государству поддерживать свою власть (оружие, крепости, казармы, тюрьмы, военные суды), отказ платить налоги, предназначенные для поддержки церкви и снабжения армии, и т.п. Позднее, после январских событий 1905 года, Трегубов с восторгом писал о самой идее мирного шествия с петицией к царю Г. Гапона, бывшего в середине 1890-х его учеником в Полтавском народном училище. Он расценивал его как «мирную, безоружную стачку», организованную «на религиозной почве» и близкую по духу как толстовству, так и русскому народу [Трегубов 1905].

В 1907 году Чертков переиздал брошюру о революции под новым названием — «Наша революция», дополнив ее приложениями, два из которых были посвящены осмыслению опыта революции 1905—1907 годов и, в частности, всеобщей забастовки осени 1905 года. Чертков с восхищением писал, что эта «громкая» и «совершенно мирная» забастовка обнаружила «силу мирного неповиновения правительству», парализовав государственный механизм и заставив правительство пойти на уступки [Чертков 1907: 90—91]. Он выразил уверенность, что в России приближается «та настоящая революция, совершаемая во внутреннем сознании, без которой невозможно никакое истинное улучшение в условиях народной жизни» [Там же: 93]. Для ее успеха необходим подъем «разумно религиозного сознания в народе», то есть длительный период его самосовершенствования и духовного воспитания [Там же: 109].

Социальная база радикально-пацифистского движения в России. Толстовцы в поисках народной традиции ненасильственного сопротивления

Несмотря на то что первыми и наиболее активными толстовцами были представители дворянства и интеллигенции, они формировали свое движение в опоре на сектантские крестьянские массы. Поясняя свою общественно-политическую и этическую позицию, толстовцы обращались не только к идеям Толстого, к мировой философии ненасилия и гражданского сопротивления, но и к опыту народно-религиозных движений — как российских, так и зарубежных. У толстовцев был весьма богатый опыт общения с крестьянами и сектантами разных течений, полученный в те времена, когда они жили в зем-

ледельческих общинах и стремились оказывать местному населению медицинскую, юридическую и агрономическую помощь. Еще более интенсивными контакты толстовцев с народом были во время работы «на голоде», в процессе защиты духоборов от преследований и организации их переселения в Канаду.

В целях изучения народного опыта неповиновения и сопротивления государству и церкви толстовцы начали собирать материалы по истории сектантского движения. Большое собрание таких материалов отложилось при редакции «Свободного слова», однако почти весь этот архив, за исключением опубликованных материалов, был утрачен³. В 1910—1920-е годы работа продолжилась, и в настоящее время в многочисленных архивных фондах толстовцев необыкновенно богато представлены собранные ими материалы по истории русского сектантства и народного свободомыслия⁴. Целый ряд толстовцев и близких к ним общественных деятелей и исследователей занимались разработкой этой темы как в архивах, так и в живой работе с представителями религиозного разномыслия. Например, называвший себя «религиозным анархистом-индивидуалистом» литературовед Константин Семенович Шохор-Троцкий в 1910—1920-е годы собрал большую коллекцию документов по отходам от военной службы для книги «Лев Толстой и борьба за идею мира»⁵.

В плане практической работы с сектантами в духе пробуждения их сознания большую работу осуществляли Павел Бирюков и Иван Трегубов. Бирюков работал с канадскими духоборами: состоял с ними в активной переписке, в конце жизни прожил с ними несколько лет в Канаде. Трегубов сотрудничал с сектантами-резвонниками, проповедуя в их среде идеи ненасилия и религиозного коммунизма. Эта проповедь была настолько успешна, что одно из направлений движения народных резвонников, последователи И.Н. Колоскова, под влиянием толстовцев стали настоящей радикальной пацифистской сектой.

Появление толстовской концепции «мирной революции» с ее критикой революционного движения и апологетикой народного пассивного сопротивления вызвало резко отрицательную реакцию в революционной среде. Ожесточенная полемика о том, к каким формам протеста более склонны русские сектанты — насильственным или мирным, переросшая в настоящий конфликт, завязалась у толстовцев с социал-демократами [Бонч-Бруевич 1973: 153—154]. Толстовцы и социал-демократы были связаны совместной общественной работой и множеством дружеских и семейных связей. В.Д. Бонч-Бруевич, соратник Ленина и будущий большевик, в 1894 году в одном толстовском кружке получил огромное впечатление от рассказов о протесте духоборов против призыва на военную службу, после чего начал систематически изучать народно-религиозные движения [Там же: 273]. В 1900—1902 годах он был помощником Черткова в издательских делах. Интерес к сектантам как возможным участникам будущей революции в России с Бонч-Бруевичем разделял В.И. Ленин.

3 Часть материалов была опубликована, см.: [Чертков 1901—1905].

4 Уцелевшая часть сектантского архива толстовцев хранится в фонде Черткова в ОР РГБ (Ф. 435). Отдельные части этого архива можно обнаружить в личных фондах других участников движения в ОР РГБ, Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Отделе рукописей Государственного музея истории религии, Отделе рукописных фондов Государственного музея Л.Н. Толстого.

5 Этот труд не был завершен, но собранные материалы хранятся в личном фонде Шохор-Троцкого в ОР РГБ (Ф. 345).

После конфликта с толстовцами социал-демократы всячески принижали общественно-политическое значение деятельности толстовцев: признавая наличие у них определенных связей в сектантской среде, они отрицали оппозиционность толстовского движения, обвиняли толстовцев в очернении революционного движения и пособничестве правительству. Такое отношение нашло свое закрепление в работах Ленина о Толстом [Ленин 1978], концептуальная схема которых предопределила историю восприятия российским образованным обществом толстовского движения на век вперед. В ленинской схеме толстовцы противопоставлялись Толстому, им давались лишь уничижительные характеристики как пособникам правительственным гонениям против революционеров и проповедникам классового мира. Многочисленные и эмоциональные статьи Бонч-Бруевича на тему сектантства, его резкая полемика с толстовцами [Бонч-Бруевич 1973: 150—173] наводят на мысль, что социал-демократы считали толстовцев своими главными конкурентами за влияние на сектантов, причем это соперничество сохранялось до конца 1920-х годов.

Самостоятельное, независимое развитие идея мирной революции получила в период после Первой русской революции в российском евангельском движении. Она родилась из религиозных настроений самих верующих: их острое переживание собственного религиозного обращения резонировало с революционной эпохой [Coleman 2005: 127—129]. Хотя после Первой русской революции у баптистских лидеров интерес к политике и оппозиционным движениям постоянно рос, «революция духа» для них была скорее метафорой, которая связывала их повседневную жизнь со священной историей, их представления о духовной революции были почти не связаны с актуальной политикой и проблемой методов и этики протеста [Ibid.: 136].

В 1910-е годы вокруг толстовцев сложился круг радикально настроенных сектантов, которые разделяли с ними мирные революционные настроения и постепенно перенимали их общественно-политический язык. Символическая сплоченность этого круга выражалась, например, в том, что сектантам-анти-милитаристам полюбилась сочиненная близким к толстовцам А.М. Хирьяковым «Мирная Марсельеза» — переделка знаменитого французского революционного гимна на «толстовский» лад, в которой «революционные призывы были заменены “свободно-христианскими” призывами к братству, мирному труду, борьбе с войной и т.д.»⁶. Но подлинную солидарность между толстовцами и сектантами порождала проблема отказов от военной службы.

Отказы от военной службы и радикально-пацифистское движение в России

Важнейшей народной протестной практикой толстовцы считали отказы от военной службы. Собственно, пацифистское движение в России и началось с отказов от военной службы толстовцев, их попыток защитить отказчиков-сектантов, а также с осмысления отказов как важнейшей практики народного протеста, своего рода предпосылки формирования радикально-пацифистского движения и будущей революции.

6 Булгаков В.Ф. Друзья Толстого. 45 портретов // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 14. Л. 85—86.

В конце XIX — начале XX века основная масса населения Российской империи — крестьяне — в армии служить не стремилась. Государство весьма эффективно решало задачи призыва и мобилизации, однако массового патриотизма у выходцев из простого народа воспитать не смогло, что стало особенно заметно в период Первой мировой войны и прежде всего в среде религиозных диссидентов [Sanborn 2003: 4].

Толстовцы воспринимали эти отказы как часть более общей народной традиции несотрудничества с государством. С XVIII века символический отказ от подданства представителей религиозного разномыслия выражался в бегстве в труднодоступные районы и за границу, в отказах от паспортов и присяги, от уплаты налогов и участия в переписи населения, от регистрации брака и крещения детей, от подчинения законам и распоряжениям представителей властей.

Сектантские отказы имели под собой религиозно-психологическую основу и не носили характера целенаправленного общественного движения. Наиболее точным термином для обозначения цели такого протеста является понятие «эскапизм». Результатом следования установке на эскапизм могли быть самоизоляция либо побег целыми группами в соседние страны [Чистов 2003: 413—419], но не создание протестного общественного движения.

В большинстве случаев, как заметили толстовцы, сектантская мотивация отказов от службы в армии не была связана с ненасилием. Следование этическим мотивам, запрещающим кровопролитие или применение силы, было довольно редким явлением в русской народной культуре, традиционно связанной с повседневным насилием. Весьма равнодушна к заповеди «не убий» и даже враждебна к пацифизму была и православная церковь, представители которой внесли свой вклад в создание доктрины «справедливой», или «священной», войны, которая оправдывала вооруженную защиту национальной независимости.

Доктрины религиозных диссидентов в XIX — начале XX века находились в процессе интенсивного развития и были подвержены внешним влияниям, в связи с чем их пацифизм зачастую носил ситуативный характер — он то появлялся, то исчезал, в зависимости от обстоятельств [Брок 1997: 117—121]. Наибольшее распространение в этой среде имели отказы, связанные с феноменом «эсхатологического нонконформизма», ярким примером которого служат радикальные течения старообрядчества (бегуны, неплательщики и т.п.), которые предписывали своим сторонникам отказываться от военной службы, отрицали деньги, паспорта, господствующую церковь и суды. Обоснованием необходимости бегства от государства у них была эсхатологическая теория, согласно которой начиная с Петра I правящий государь является Антихристом.

Заповедь «не убий» была актуальна лишь для немногих сектантских групп и отдельных религиозных диссидентов. На русской почве возникло всего три самобытных пацифистских религиозных течения, доктрины которых сложились без влияния зарубежных религиозных течений — духоборы, трезвенники и добролюбовцы.

Духоборы считали, что человек есть храм Божий, покуситься на его жизнь — страшный грех, равносильный покушению на самого Бога, поэтому в случае войны духоборы должны заниматься самозащитой, но не нападать на неприятеля и не убивать его. Другой предпосылкой духоборческого пацифизма были специфические представления о своем подданстве: они не считали себя пра-

вославленными, а следовательно, не считали себя и русскими, подданными Российской империи, обязанными защищать ее [Иникова 1997: 123—124]. Среди последователей духоборческого учения всегда было много дезертиров.

Со временем эти принципы стали забываться, в XIX веке большинство духоборов соглашались служить и носить оружие, среди них появилось много казаков и служилых людей, участвовавших в войнах. Переход духоборов на позиции абсолютного пацифизма произошел в 1890-е годы после внутреннего раскола в их среде и под прямым влиянием учения Толстого. Лидер одной из духоборческих групп Петр Веригин попал в ссылку, где начал много читать, познакомился с идеями Толстого и вступил с ним в переписку. Толстовские идеи ненасилия в самом радикальном их варианте оказали на него огромное влияние, Веригин стал сознательным, принципиальным пацифистом. Часть духоборов под руководством Веригина полностью отказалась от поддержки государства и перешла на позиции радикальной уравнительности, абсолютного пацифизма и вегетарианства (их стали называть «постниками»).

Символической акцией, закреплявшей переход к пацифизму, стало сожжение оружия в ночь на 29 июня 1895 года, которое произошло одновременно в трех местах. В Елизаветпольской губернии и Карсской области все прошло без серьезных эксцессов, но в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии были использованы казаки и войска, и наведение порядка закончилось избиением постников, грабежами и насилием над женщинами [Поздняков 1901]. За этими событиями последовали репрессии против пацифистски настроенных духоборов. Радикально настроенная часть духоборов численностью более 7000 человек с помощью Л.Н. Толстого, толстовцев, квакеров и неравнодушной общественности переселилась в Канаду. Они так и остались абсолютными пацифистами, сделав сожжение оружия центральным событием своего исторического предания.

Еще одно русское пацифистское религиозное течение появилось после Первой русской революции; как отмечалось выше, это было одно из направлений течения народных трезвенников, отколовшихся от православной церкви, — последователи Ивана Колоскова [Савин 2018: 118]. Характерно, что их поворот к пацифизму и вегетарианству также произошел под влиянием идей Толстого и толстовцев. А третье такое течение, добролюбовцы, возникло под влиянием религиозно-пацифистского учения поэта-символиста Александра Добролюбова, который порвал с прежней жизнью и ушел в народ. Его последователи не создавали никаких организационных форм, избегали любых контактов с государством, поэтому их идеи и практики с трудом поддаются изучению.

Существовали в Российской империи и такие религиозные диссиденты, которые имели склонность к пацифизму, но не стремились отказываться от военной службы по социальным причинам. Сдерживающим фактором была потребность зажиточных членов общины в демонстрации своей лояльности по отношению к государству. К таким группам можно отнести, например, молкан, меннонитов, евангельских христиан и баптистов [Брок 1997: 117]. Во время Первой мировой войны и в первые годы советской власти в их среде⁷ имел место взрывной рост пацифистских настроений и отказов от военной службы.

7 За исключением меннонитов, которые с конца XIX века имели привилегию альтернативной гражданской службы.

В 1880-е годы в России появляются индивидуальные отказы от военной службы, которые совершаются не по причинам следования групповой религиозной традиции, а по велению личной совести. В индивидуальных отказах нередко можно проследить несколько мотивов, религиозных и светских одновременно. Такой отказ может быть следствием как отвращения к убийству, так и неприятия клятвы по религиозным мотивам, а также протестом против отчуждения собственного тела, которое неизбежно на военной службе. Отказчики указывали на свое отвращение к публичному раздеванию перед медицинской комиссией, к жизни в казарме и ношению военной формы, к военной муштре, необходимости выполнения команд начальства, занятиям гимнастикой, обучению обращению с оружием и прочим тренировкам, разучиванию молитв, также они говорили о неприятии казенных вещей, казенной пищи и прочих телесных практик, сопряженных с положением солдата.

У сектантов и старообрядцев считалось нормой использование разного рода хитростей, притворства и даже прямого обмана в целях сохранения верности своим религиозным принципам. Практики пассивного сопротивления религиозных диссидентов ничем не отличались от аналогичных практик крестьян, для которых, как это показал Дж. Скотт, были характерны «обыденные формы сопротивления» [Scott 1985: 292—293]. Скотт считает эти методы разновидностью «оружия слабых», применение которого особенно распространено в авторитарных обществах, где открытый протест против власти пресекается жестокими репрессиями.

В отличие от народного протеста против призыва, для общественного движения, основанного толстовцами, были характерны постоянные размышления о моральной чистоте методов протеста, соотношении целей и средств борьбы. Они старались сделать протест открытым и честным, основанным на продуманных, свободно принятых ценностях. Толстовцы-отказчики были склонны к публичному проговариванию своей позиции, они стремились к обоснованию своих взглядов и мотивов, приводили аргументы «от совести», цитировали Священное Писание, некоторые даже формулировали свой отказ в общественно-политических терминах, опираясь на работы Толстого, зарубежных мыслителей, ученых и религиозных деятелей — сторонников ненасилия.

Выстраивая свое «свободно-религиозное» пацифистское движение, толстовцы поставили перед собой цель гуманизировать народные практики отказа, превратить их из «оружия слабых» в осознанный, целенаправленный, честный и открытый социальный протест [Гордеева 2018].

Влияние Первой мировой войны на мирные революционные идеи толстовцев

В начале Первой мировой войны толстовцы-пацифисты были практически единственной общественной силой, которая не только не поддавалась патристическим настроениям, но и заявила о своем принципиальном неприятии войны. Они составили ряд антивоенных воззваний, за что были арестованы и подвергнуты суду в 1916 году, в результате которого почти все были оправданы [Рашковская, Рашковский 1993]. Это оправдание, случившееся при огромном сочувствии присутствовавшей на суде публики и самого суда, было признаком того, что идеям ненасилия удалось завоевать общественное мнение.

В период Первой мировой войны толстовцы обратили свою проповедь ненасилия к солдатам, рабочим, крестьянам и женщинам. Движение демократизировалось, к нему присоединилось большое количество крестьян [Петухова 2008: 45—46]. Одновременно произошла его радикализация: представления толстовцев о желаемой революции перешагнули государственные границы, в их риторике и идеологии утвердилась идея достижения путем мирной ненасильственной революции «всемирного братства» как главной цели развития человечества. Своей задачей пацифисты видели «активную борьбу с величайшим своим бедствием — с международным разъединением и милитаризмом, делающим из свободных братьев-людей — полчища рабов — врагов-волков, перегрызающих друг другу горло». Способом ведения такой борьбы они видели усиление в сознании людей веры в то, «что в нас, людях, есть единая душа, что мы все братья, дети одной семьи. А все эти Италии, Финляндии, Франции — все это одна фикция»⁸.

Во время войны резко выросло количество отказов от военной службы. Толстовцы придавали этому явлению исключительно важное значение, считая его первым предвестием будущей революции. Они пришли к выводу, что духовная революция, революция братства началась еще с Иисуса Христа, а в настоящее время продолжается среди простого русского народа⁹. Широко распространившееся дезертирство толстовцы воспринимали как признак роста самосознания русского народа. Они были убеждены, что в данный момент не очень важно, каковы мотивы дезертирства. Толстовцы считали дезертирство «крупным народным движением» и писали, что, хотя дезертиры и не являются идейными отказчиками, нежелание участвовать в войне, какими бы мотивами они не было обусловлено, понятно и естественно и подобные настроения указывают на возможность прекращения войны «вследствие иссякновения в наших войсках необходимого для ее продолжения военного пыла» [Чертков 1917].

Своей задачей толстовцы видели активное содействие развитию антивоенного сознания в «свободно-религиозном», подлинно пацифистском направлении. Активный сторонник этой идеи толстовец И.И. Горбунов-Посадов писал:

Но главное — это работа над сознанием людей. Нужно воспитание, антимилитаристическое воспитание, создание у юношества совершенно новой психологии; нужно сеять в юные души отвращение к убийству, принципы братства, отвращение ко всяким кровавым героям войны, нужны указания того, что всякое убийство есть преступление, каким бы словом оно ни прикрывалось, нужно знакомство юношества с истинными героями мира, любви и братства и заражение их чувствами, их идеями¹⁰.

Защита отказчиков от военной службы была главным направлением деятельности толстовцев с момента основания ими своего движения. Они собирали

8 «Всенародное братство и война», «Десятилетие мировой войны» и др. Речи и статьи, посвященные 10-летней и 14-летней годовщине империалистической войны и другие антивоенные статьи // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 38. Л. 42 об.

9 Чертков В.Г. «Против войны» — конспект доклада // ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 22. Ед. хр. 2.

10 «Всенародное братство и война», «Десятилетие мировой войны» и др. // РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 38. Л. 43—43 об.

информацию об отказчиках, оказывали им правозащитную помощь, распространяли в обществе информацию о мотивах отказывающихся. Работа по помощи отказывающимся велась при Московском вегетарианском обществе (МВО), которое с 1909 года было главным организационным центром толстовского движения. С появлением Государственной думы толстовцы пытались инициировать принятие закона, облегчающего участь отказчиков. Но ни при царском, ни при Временном правительстве этот вопрос решен не был, что в условиях войны еще больше сплотило радикальных пацифистов и пацифистски настроенных сектантов.

Развитие идей ненасильственной революции в 1917—1920-е годы. Организационные структуры мирного революционного движения

Революционные процессы начала 1917 года толстовцы и дружественные им сектанты восприняли как мирную революцию, о которой они мечтали. 18 апреля (1 мая) 1917 года появилась листовка «Привет творцам мирной революции», в которой выражалась уверенность, что Февральская революция была революцией, осуществленной посредством мирной, почти бескровной забастовки рабочих и солдат. Под листовкой стояли подписи «свободных христиан» — единомышленников Толстого, народных трезвенников, евангельских христиан и мирных социалистов. Подобное отношение с толстовцами разделяли широкие круги верующих, для которых Февральская революция стала не только политическим, но и религиозным событием. Переплетение языков демократии и христианства, уподобление политической революции Пасхе, празднику Воскресения Христа, получило широкое распространение в широких слоях населения [Coleman 2005: 128—130, 136]. В июне 1917 года толстовцы создали Общество истинной свободы (ОИС) в память Л.Н. Толстого. Его название восходит к месту из Евангелия, которое любил цитировать Толстой: «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8: 32). ОИС стремилось путем нравственного самосовершенствования добиться преобразования общества, основанного на государственном насилии, в безгосударственную общину, в которой могла бы быть осуществлена «полная свобода во всех вопросах веры и жизни» [Крапивин и др. 2003: 171]. В программе ОИС было записано, что «всякое насилие, совершаемое над людьми как со стороны отдельных лиц, так со стороны партий и правительства, противно законам человеческой жизни». Толстовцы заявляли, что считают своим отечеством весь мир, а всех людей — своими братьями, поэтому «никакие люди, как бы они ни называли себя — монархическими, конституционными, демократическими или социалистическими правительствами, — не имеют права собирать, вооружать и обучать людей убийству, нападать на других людей и, ведя с людьми другой народности войну, разорять и убивать их» [Общество истинной свободы 1917: 6—7]. Подобные общества стали возникать по всей России.

С приходом к власти большевиков толстовцы начали выделять два параллельных течения в революции: мирное, духовное и насильственное, материалистическое. Они считали себя и сектантов-пацифистов активными пропагандистами и участниками мирной революции. С позиции мирных революционеров

они открыто и резко критиковали насильственную большевистскую революцию и продолжали борьбу за свои религиозно-анархические и пацифистские идеалы.

В набросках предисловия к новому изданию своей брошюры о мирной революции Чертков констатировал, что вопрос о революции остается актуальным даже после того, как в России произошли два крупных политических переворота. Царской власти уже не существует, но свобода не достигнута, власть лишь перешла «от кучки представителей самодержавного насилия к кучке, во многих отношениях не менее самодержавных представителей республиканского насилия»¹¹. Для достижения истинной свободы нужен новый, духовный переворот, о котором Толстой писал в статье «Переворот, предстоящий теперь человечеству», предполагающий отказ от повиновения любой насильнической власти и устроение своей жизни независимо от правительства. По мнению Черткова, такая подлинная революция в настоящее время происходит в русском народе помимо большевиков¹².

В первые годы после революции толстовцы имели возможность выпускать легальные журналы: «Единение» (1916—1917), «Голос Толстого и Единение» (1917—1920), «Обновление жизни» (1917), «Истинная свобода» (1920—1921; совместное издание толстовцев и трезвенников) и др. В программу толстовских журналов входили вопросы истории и современного состояния религиозного движения в России и других странах, христианский анархизм, антимиитаризм и пацифизм, движение Ганди, «братство народов и всеобщий мир», кооперативное движение в России и в других странах, вегетарианство.

Идея незаконченности революционного процесса, необходимости новой, духовной революции была основной мыслью всей толстовской публицистики периода Гражданской войны и 1920-х годов¹³. С одной стороны, развивая эту идею, толстовцы и сектанты-пацифисты заявляли о своей включенности в процессы революционного обновления, с другой — демонстрировали наличие у них своего, альтернативного проекта социализма. Публикации в толстовских журналах, письма в эти журналы и в ОИС представителей трудового народа, простых людей со всех концов страны были наполнены уверенностью в том, что параллельно внешней материалистической насильственной революции в России происходит невидимый духовный мирный революционный процесс, участниками которого ощущают себя авторы. Борьбу за мирную революцию толстовцы продолжали все тем же способом путем работы над духовным пробуждением народа¹⁴.

В 1917 — первой половине 1920-х годов лидеры толстовцев и их союзники предприняли несколько попыток сформировать органы самоуправления «религиозно-коммунистических» сил российского сектантства и с их помощью оказывать влияние на внутреннюю политику большевиков, а также самостоятельно выступать на международной арене. Осенью 1918 года был создан меж-

11 Чертков В.Г. Предисловие к брошюре «Наша революция» // ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 17. Ед. хр. 4. Л. 1—2.

12 Чертков В.Г. Что сказал бы Толстой?: доклад. 10 сентября 1920 г. // ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 411. Ед. хр. 50. Л. 1—5.

13 См. об аналогичных представлениях о параллельности революции духа и политической революции у баптистов, а также о незавершенности политической революции без духовной реформации: [Coleman 2005: 152—153].

14 Статьи толстовцев о русской революции // ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 95. Ед. хр. 8.

конфессиональный орган для защиты прав отказчиков от военной службы — Объединенный совет религиозных общин и групп» (ОСРОГ). В его состав вошли выборные представители «свободных христиан» (толстовцев), евангельских христиан, баптистов, меннонитов, адвентистов седьмого дня, молокан и народных трезвенников-колосковцев. Еще несколько человек вели дела верующих «внеисповедного направления» (малеванцев, добролюбовцев, иеговистов, еноховцев). ОСРОГ мыслился его организаторами в качестве альтернативы большевистским советам, как всероссийский представительный орган, выражавший взгляды и убеждения совести различных религиозных течений по всем вопросам, которые затрагивают их интересы [Крапивин и др. 2003: 268—269]. В 1919 году в некоторых городах возникли дочерние советы религиозных общин и групп, был создан институт уполномоченных ОСРОГ на местах (всего более ста уполномоченных). ОСРОГ предполагал со временем распространить свою деятельность на всю территорию РСФСР и других советских республик.

Благодаря солидарной работе толстовцев и сектантов и их историческим связям с большевиками появился декрет СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 года. Он предусматривал возможность не только альтернативной службы, но и полного освобождения от военной службы в связи с религиозными убеждениями. Декрет возлагал на ОСРОГ задачу осуществления экспертизы взглядов религиозных пацифистов для судов, принимающих решение об освобождении. Появление декрета лишь частично решило проблему: с самого начала имели место многочисленные нарушения его положений на местах, за отказы от военной службы продолжали жестоко наказывать, вплоть до расстрелов, очень быстро стали приниматься законы и подзаконные акты, которые ограничивали применение декрета.

Толстовцев не устраивала узкая трактовка понятия «религиозные убеждения»: как раз в это время в Советской России появлялось все больше и больше людей, неприятие убийства которыми не носило чисто религиозного характера. Стремясь отстоять право на отказ «по совести» для как можно большего числа пацифистов с самой различной мотивацией, толстовцы подготовили большую справку с подробным описанием мотивов отказов от военной службы¹⁵. В записке отказы «по совести» связывались с ростом самосознания русского народа, который произошел «благодаря своему самостоятельному внутреннему развитию» и привел к революционным событиям 1917 года. «Когда иссякает народное терпение, — предупреждали авторы, — то остановить массовый напор общенародной воли не в состоянии никакие ни угрозы, ни приманки. А то, что было при прежних правительствах, всегда может повториться и при всяком правительстве, пренебрегающем душевными потребностями народных масс»¹⁶.

Попыткой перехватить инициативу во влиянии на сектантство, превратить их из «мирных революционеров» в соратников большевиков стал «сектантский проект» В.Д. Бонч-Бруевича [Эткинд 1996: 279], в рамках которого планировалось развивать масштабное экономическое сотрудничество между больше-

15 См.: *Чертков В.Г.* Противники войны. Некоторые сведения об антимилитаристском движении среди русского народа // ОР РГБ. Ф. 435. Карт. 19. Ед. хр. 11.

16 Там же. Л. 32—33.

виками и «коммунистически настроенными сектантами». Идея заключения соглашения о сотрудничестве между правительством и сектантами принадлежала толстовцам, впервые она была изложена П.И. Бирюковым и И.М. Трегубовым в записке от 12 ноября 1920 года, к которой прилагался проект соглашения между земледельческими коммунами сектантов и советским правительством [Там же: 314—319]. Толстовцы писали, что сотрудничество с сектантами даст советской власти возможность создать экономическую опору в деревне в лице «сознательной, разумно-религиозной части русского народа», которая «не только не сопротивляется коммуне, но сама создает коммуны, и притом образцовые». Взамен толстовцы хотели гарантий соблюдения свободы совести, сохранения за представителями религиозных движений права на отказ от военной службы с оружием в руках и от выполнения других обязанностей, которые нарушают принципы пацифизма, вегетарианства и т.п. В записке также предлагалось учредить периодический орган «Мирный коммунист» [Там же: 319].

А. Эткинд пришел к выводу, что причиной появления инициативы толстовцев было стремление превратить коммунистическое сектантство «в самостоятельный фактор политической жизни страны» [Там же: 279]. Этот вывод подтверждают резолюции сектантских съездов, проведенных по инициативе ОСРОГ: Всероссийского съезда внецерковных религиозных течений (июнь 1920 года) и Первого всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений (март 1921 года). В обоих случаях в центре дискуссий были вопросы свободы совести, отказов от военной службы и принудительной трудовой повинности, по которым были приняты самые радикальные резолюции пацифистского характера.

Съезд сектантских объединений поставил вопрос об объединении всех сектантских сельскохозяйственных коллективов в один всероссийский союз и поручил Совету съезда представлять в советских органах власти интересы всего русского сектантства, организованного в сельскохозяйственные и производительные коллективы¹⁷. Как пронизательно отметил А.И. Клибанов, этот съезд «со всей очевидностью продемонстрировал такое понимание задач сектантских кооперативных объединений, при котором они явились бы государством в государстве» [Клибанов 1969: 226]. Реакция властей на его постановления состояла в организации пропагандистской кампании и развертывании репрессий против толстовцев и других пацифистов¹⁸, отказе от сотрудничества с ОСРОГ, запрещении деятельности обществ истинной свободы по всей стране и закрытии толстовских журналов.

В августе 1921 года Трегубову и Бирюкову пришлось переработать свою записку, она стала более умеренной и лояльной по отношению к большевикам. При подготовке воззвания Наркомзема к сектантам с предложением о сотрудничестве положения толстовцев были переработаны Бонч-Бруевичем, причем он «вовсе убрал все относившееся к службе в армии» [Эткинд 1996: 282].

В период нэпа было действительно создано большое число религиозных трудовых коллективов, оказавшихся весьма эффективными в экономическом отношении. Экономические успехи «религиозных коммунистов», пацифистские настроения сектантства, а также наметившийся параллелизм и даже со-

17 ОР РГБ. Ф. 648. К. 18. Ед. хр. 15. Л. 20.

18 О том, какое серьезное значение большевики в это время придавали борьбе с толстовским пацифизмом, см.: [Шенталинский 2001; Савин 2020].

перничество религиозных структур и новой власти вызвали беспокойство большевиков.

Первая волна репрессий против участников радикально-пацифистского движения пришлась на 1921—1924 годы. Сначала были закрыты отделения ОИС (осень 1922 года), постепенно были вынуждены прекратить свою деятельность ОСРОГ и толстовские периодические издания. В 1923—1928 годах в результате силового давления органов ВЧК—ГПУ все основные союзники толстовцев, кроме трезвенников¹⁹, ушедшей в подполье части адвентистов и отдельных неорганизованных представителей «внеисповедных течений», отказались от принципа пацифизма. В 1927—1929 годах коммуны «религиозников» были переведены на «рельсы советского социализма» [Петрус 1953: 49] или же просто закрыты. Со стороны советской власти «сектантский проект» был последней попыткой заручиться поддержкой верующих на добровольной основе. В дальнейшем их вовлечение в советский проект происходило лишь принудительно, с использованием репрессий.

Толстовский периодический «самиздат». Транснациональное измерение радикально- пацифистского движения

После закрытия ОИС «штабом» религиозно-анархического и пацифистского движения становится МВО. В условиях постоянных гонений основной формой существования движения стало общение единомышленников, которое осуществлялось посредством интенсивной переписки и «самиздата» («циркулярные» письма МВО, «Письма МВО», «Бюллетени МВО», «Письма друзей Л.Н. Толстого» и т.п.). В «самиздате» публиковались специально подобранные под актуальную повестку дня тексты Толстого, материалы по антимилитаристическому, пацифистскому, вегетарианскому, молодежному и эсперантистскому движениям во всем мире, статьи по философии ненасилия и религиозного анархизма, теории и практике гражданского сопротивления, об отказах о военной службе и т.п. Тематически и идейно эти издания были гораздо больше привязаны к повестке дня аналогичных движений за рубежом, чем к внутренней политике в Советской стране. Однако и острые проблемы советской жизни толстовцы не могли обойти вниманием: посредством периодического «самиздата» толстовцы организовывали помощь репрессированным, рассказывали об отказчиках, занимались критикой принудительных, насильственных форм кооперации.

Советские пацифисты ощущали себя участниками огромного и мощного всемирного религиозно-пацифистского движения. Они писали письма и обращения к своим западным единомышленникам и общественности, а также к лидерам зарубежных стран. Не только лидеры движения, но и рядовые его участники, а также отдельные толстовские и сектантские коммуны составляли подобные воззвания. Самые обычные люди, крестьяне и рабочие, считали своим долгом выступать с критикой советских и зарубежных политических и

19 См. о важности темы пацифизма и связей с толстовцами в репрессиях против трезвенников: [Савин 2018].

культурных лидеров, давать им советы и выдвигать собственные внешнеполитические инициативы [Булоус 2006].

Толстовцы принимали участие в деятельности двух крупнейших пацифистских организаций — Интернационала противников войны (WRI) и Международного содружества примирения (IFOR). WRI был основан в 1921 году в Лондоне, главной его целью было проведение кампаний по защите отказывающихся от военной службы по мотивам совести. Со временем WRI все большее значение стал придавать социальным вопросам, поставив перед собой задачу бороться с социальными причинами войн. IFOR, основанное еще в 1919 году под названием Движение к христианскому интернационалу, разделяло антивоенную повестку дня с WRI, но при этом носило более религиозный и социалистический характер [Prasad 2005; Dekar 2016].

После Первой мировой войны во всемирном движении за мир произошел идеологический сдвиг, который заставил многие миротворческие группы выбрать теории социальной справедливости левого толка в качестве своей теоретической базы. Новое течение противопоставляло себя одновременно и капиталистической системе и идеалам насильственной революции Коминтерна, оно стремилось показать, что христианство и социализм совместимы [Ojajärvi 2020]. В своем сотрудничестве с WRI и IFOR толстовцы уделяли преимущественное внимание христианско-социалистическим и коммунистическим аспектам программ этих организаций, которые связывали возникновение войн с существованием социального неравенства и, соответственно, предполагали, что частью борьбы за мир без войн и насилия станет борьба за социальное равенство и справедливость.

Толстовцы основали ячейки данных организаций при МВО и поддерживали с ними отношения с помощью переписки. Толстовский «самиздат» подробно информировал своих читателей об истории формирования этих групп и текущих новостях, включая конференции и конгрессы. В 1923—1927 годы WRI регулярно получал и публиковал в своих бюллетенях новости из Советской России. В основном это были списки отказчиков от военной службы, информация о судах над ними, их положении в тюрьме, а также письма самих заключенных и новости о развитии законодательства о свободе совести в СССР [Brook 1997].

На рубеже 1920—1930-х годов, когда репрессии сделали невозможной открытую деятельность толстовцев в России, откровенно оппозиционные полемические публикации советских христианских пацифистов и анархистов переместились на страницы транснациональной прессы их единомышленников. Настоящим чемпионом по солидарности с советскими пацифистами была пресса болгарских толстовцев, которые до конца 1930-х годов имели широкие возможности в легальной печати. Они предоставили советским толстовцам возможность публично высказываться в своих изданиях: переводили и публиковали их книги, брошюры и статьи, регулярно печатали новости из Советской России, включая информацию о репрессиях.

В дальнейшей разработке теории «мирной революции» ведущая роль принадлежит последнему секретарю Толстого, толстовцу и радикальному пацифисту В.Ф. Булгакову, который был вынужден эмигрировать в Прагу. В 1923 году Булгаков опубликовал статью «К характеристике духовного облика русского народа за время революции». Особо значимым явлением в жизни русского крестьянства в революционный период он считал развитие в нем «свободно-

религиозного движения» [Булгаков 1923: 142—143]. С точки зрения Булгакова, это движение является участником революции, однако в ней оно не сотрудничает с большевиками, а противостоит им, отстаивая свои социально-религиозные ценности и занимаясь самостоятельным религиозным и социальным творчеством. Народный религиозный коммунизм, по мнению Булгакова, не имеет ничего общего с материалистическим, насильственным коммунизмом большевиков, его главными ценностями являются антимилитаризм и анархизм.

В эмиграции Булгаков активно участвовал в международном движении пацифистов и христианских социалистов. В августе 1926 года в рамках конференции IFOR в Обераммергау (Бавария) Булгаков и руководитель пражской религиозной общины «Новый Иерусалим» Пржемысл Питтер провозгласили создание Международного движения к христианскому коммунизму (МДХК). Более сорока участников конференции — христианских коммунистов из разных стран — присоединились к движению. В «Манифесте ко всем людям всех национальностей, вероисповеданий и классов, стремящихся к новой жизни», принятом МДХК, говорилось:

Знамя насильственной социальной революции реет над миром, и многие спешат встать под это знамя, хотя наличные результаты революции самым очевидным образом расходятся с тем идеалом, который она себе ставила. Мы, сторонники идеи христианского коммунизма, не встанем под кровавое знамя. В насильственное осуществление идеала коммунизма мы не верим и всякое вообще насилие над братьями — людьми отвергаем как средство, недостойное человека, развращающее его внутреннюю природу и являющееся первым и самым главным препятствием к какому бы то ни было улучшению и личной, и общественной жизни (цит. по: [Черепица 2007: 145]).

Организаторы движения провозглашали себя сторонниками «безнасиленной христианской революции», или неучастия в насилии (*non-cooperation*), в том смысле, как проповедовали это Лев Толстой и за ним Ромен Роллан и как осуществил это в своей деятельности Махатма Ганди [Там же: 148—149]. Подробнее о методах «безнасиленной, духовной революции» Булгаков писал в своей брошюре «Толстой, Ленин, Ганди» [Булгаков 1930].

Дальнейшая история МДХК, как и в целом транснациональная часть истории толстовского радикально-пацифистского движения, в настоящее время является малоизученной. Однако уже сейчас можно утверждать, что публицистика и практический опыт российских толстовцев первой трети XX века внесли значительный вклад в развитие мировых теорий и практик ненасильственного сопротивления. В частности, одно из направлений такого влияния шло через WRI и IFOR и конкретно через голландского пацифиста Барта де Лигта, который в 1930-е годы, опираясь в том числе и на толстовский опыт, разработал собственную теорию анархо-пацифизма, оказавшую большое влияние на послевоенную эволюцию анархизма и развитие представлений о методах протеста участников новых социальных движений [Pauli 2015].

Вера в близость и неизбежность новой, ненасильственной, духовной революции всемирного характера сохранялась еще долгое время среди «свободных христиан». Во время празднования юбилея Толстого в Политехническом музее 14 сентября 1928 года старый толстолец И.И. Горбунов-Посадов произнес оппозиционную речь, в которой были такие слова:

В двери мира стучится новая, величайшая революция, революция всемирного братства, великим возвестителем которой был Толстой, — новая революция, без насилия, без крови, но полная глубочайшей силы, которая уничтожит все границы между народами, все стены между людьми, всю эксплуатацию эксплуатируемых, все ограбление трудовых народов в мире, — революция, которая провозгласит переход всех земель в мире в распоряжение трудящихся, провозгласит совершенное уничтожение всех войн и всяких военных приготовлений, уничтожение всякого насилия, провозгласит соединение всех людей, всех народов в мире в одном всемирном братском свободном союзе [Горбунов-Посадов 1995: 264].

Новая волна арестов и преследований пацифистов началась одновременно с подготовкой официального празднования юбилея Толстого в 1928 году. В результате развернутой кампании против толстовцев в начале 1929 года была закрыта последняя легальная организация толстовцев — МВО. В конце 1920-х — 1930-х годах многие активные деятели «свободно-религиозного» движения были репрессированы. В 1930-е годы последними очагами радикально-пацифистского движения оставались толстовские коммуны, разгром которых завершился в годы Большого террора.

Последние международные выступления толстовцев в духе трансграничного христианского коммунизма относятся к 1936 году, когда толстовская коммуна «Братский труд» (Кожевниковский район Западно-Сибирского края) отправила в Коминтерн и ряду западных пацифистов декларацию «К трудящимся всех стран» с воззванием против войны и призывом к проведению в жизнь «мирного, безнасиельственного коммунизма». Один из членов этой коммуны С.М. Булыгин-Свободный (вторая часть фамилии — псевдоним) обратился к И.В. Сталину с просьбой разрешить ему участвовать в конгрессе WRI, запланированном на июль 1937 года. Булыгин определял движение, к которому принадлежал, как «радикальное антимилитаристическое движение мирного, свободного коммунизма» и призывал Сталина опираться на те международные антивоенные движения, которые являются одновременно и мирными, и революционными (см.: [Даценко 1994]). Разрешения на выезд Булыгин не получил, в мае 1937 года он был арестован и вскоре расстрелян.

С уходом толстовцев с общественной арены надолго прекратилось и пацифистское движение. Те из них, кто выжил после репрессий, к публичным выступлениям не стремились. Важнейшим делом, которое удалось осуществить толстовцам в 1950—1970-е годы, было сохранение архивов и написание воспоминаний.

Идея ненасильственной революции российских радикальных пацифистов была построена на соединении религиозно-философских концепций ненасилия с народным опытом пассивного сопротивления. В революционную эпоху 1910—1920-х годов эта идея проявила свою значительную мобилизующую силу: толстовцам с ее помощью удалось объединить в одно движение на общей этической платформе антимилитаризма, свободы совести и ненасилия представителей различных религиозных течений и социальных групп. Несомненный успех этого движения обернулся жестокими репрессиями против пацифистов во второй половине 1920-х — 1930-х годах, полным разгромом движения и его забвением в последующие десятилетия в СССР.

Прямого цензурного запрета на распространение религиозно-этических и общественных работ Толстого в СССР не существовало, однако религиозно-этическая часть его наследия, а вместе с ней и история толстовского пацифистского движения были надежно укрыты от широкой публики за ленинским канонным восприятием Льва Толстого как «гениального художника» и «смешного» мыслителя. В соответствии с этим канонном определялись содержание и тиражи собраний сочинений Толстого, проблематика толстоведения и режим доступа к архивным фондам толстовцев, десятилетиями находившимся «в описании».

Идеи пацифизма и мирной революции, представления о ненасильственных методах протеста, этическое и правовое обоснование права на отказ от военной службы вновь вошли в повестку дня и стали активно обсуждаться в СССР лишь в 1970—1980-е годы, когда в СССР появилось неофициальное, независимое движение за мир. К его участникам эти идеи пришли прежде всего из западных источников — советских книг и статей по истории новых социальных и религиозных движений на Западе, западных радиопередач и непосредственно от активистов зарубежных мирных движений, посещавших СССР. Узнать что-либо о существовании в России собственной пацифистской традиции оказалось гораздо сложнее, и хотя советская контркультурная молодежь открыла для себя Толстого и толстовство уже в конце 1970-х годов, собрать по крупицам разрозненные и труднодоступные материалы историкам удалось лишь в начале 1990-х [Илюхина 1992].

Идея мирной (духовной) революции в поздний советский период вдохновлялась движением Jesus movement, концепциями Чарльза Райха и других западных теоретиков контркультуры. В 1970-е годы предчувствием «революции сознания», «революции духа», «психоделической революции» жили участники подпольного экуменического кружка С. Риги и религиозно-философского семинара А. Огородникова и В. Пореша, тартуский студент, хиппи-толстовец А. Карев и многие другие представители движения хиппи. Однако в этот период идея мирной духовной революции не смогла выйти за рамки небольших кружков культурного андеграунда и приобрести ту же мобилизующую силу, которой она обладала в первой трети XX века. За исключением короткого периода ранней перестройки, когда советские хиппи одними из первых вышли на улицы, захваченные «карнавалом революций» [Kenney 2002: 157—194], эта идея осталась всего лишь одной из претенциозных метафор их самоописания.

Библиография / References

- [Бонч-Бруевич 1973] — *Бонч-Бруевич В.Д.* Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973.
- (*Bonch-Bruevich V.D.* Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya. Moscow, 1973.)
- [Брок 1997] — *Брок П.* Русские сектанты-пацифисты и военная служба 1874—1914 гг. // Долгий путь российского пацифизма. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 115—121.
- (*Brok P.* Russkie sektanty-patsifisty i voennaya sluzhba 1874—1914 gg. // Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma. Moscow, 1997. P. 115—121.)
- [Булгаков 1923] — *Булгаков В.Ф.* К характеристике духовного облика русского народа за время революции // Крестьянская Россия: сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим / Под ред. А.А. Аргунова и А.Л. Бема. Прага:

- Крестьянская Россия, 1923. Сб. 4. С. 142—148.
- (Bulgakov V.F. K karakteristike dukhovnogo oblika russkogo naroda za vremena revolyutsii // Krest'yanskaya Rossiya: sbornik statey po voprosam obshchestvenno-politicheskim i ekonomicheskim. Praga, 1923. Coll. 4. P. 142—148.)
- [Булгаков 1930] — *Булгаков В.Ф.* Толстой, Ленин, Ганди. Прага: [Б.и.], 1930.
- (Bulgakov V.F. Tolstoi, Lenin, Gandi. Praga, 1930.)
- [Булоус 2006] — *Булоус В.* В село Щербани на Полтавщину приходили письма от Льва Толстого, Романа Роллана, Стефана Цвейга, Махатмы Ганди... // *Набат: Газета Кременчугского городского комитета Коммунистической партии Украины.* 2006. № 14 (131). 13 июля.
- (Bulous V. V selo Shcherbani na Poltavshchinu prikhodili pis'ma ot L'va Tolstogo, Romena Rol-lana, Stefana Tsveyga, Makhatmy Gandi... // *Nabat: Gazeta Kremenchugskogo gorodskogo komiteta Kommunisticheskoy partii Ukrainy.* 2006. No. 14 (131). July 13.)
- [Бульст и др. 2014] — *Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й.* Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Burgerkrieg) // *Словарь основных исторических понятий: избранные статьи / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий и др. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 520—728.*
- (Bul'st N., Kozellek R., Majer K., Fish J. Revolyutsiya (Revolution), bunt, smuta, grazhdanskaya voy-na (Rebellion, Aufruhr, Burgerkreig) // *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannyye stat'i / Comp. by Ju. Zareckiy et al.* Moscow, 2014. Vol. 1. P. 520—728. — In Russ.)
- [Горбунов-Посадов 1995] — *Горбунов-Посадов М.И.* Воспоминания: В 3 ч. М.: Гос. лит. музей, 1995. Ч. 1.
- (Gorbunov-Posadov M.I. Vospominaniya: In 3 pts. Moscow, 1995. Pt. 1.)
- [Гордеева 2017] — *Гордеева И.А.* Идеи Н.Н. Неплюева в контексте истории неославянофильства второй половины XIX — начала XX века // *Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского института.* М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2017. Вып. 21. С. 35—53.
- (Gordeeva I.A. Idei N.N. Neplyueva v kontekste istorii neoslavyanofil'stva vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka // *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: al'manakh Svyato-Filaretovskogo instituta.* Moscow, 2017. Iss. 21. P. 35—53.)
- [Гордеева 2018] — *Гордеева И.А.* Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века // *Крестьяноведение.* 2018. Т. 3. № 4. С. 78—104.
- (Gordeeva I.A. Otkazy ot voennoy sluzhby i formirovaniye patsifistskogo dvizheniya v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka // *Krest'ya-novedenie.* 2018. Vol. 3. No 4. P. 78—104.)
- [Даценко 1994] — Из жизни толстовских коммун в Сибири / Публ. А.Г. Даценко // *Возвращение памяти: историко-публицистический альманах.* Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. Вып. 2. С. 125—196.
- (Iz zhizni tolstovskikh kommun v Sibiri / Publ. by A.G. Datsenko // *Vozvrashchenie pamyati: istoriko-publitsisticheskiy al'manakh.* Novosibirsk, 1994. Iss. 2. P. 125—196.)
- [Илюхина 1992] — *Илюхина Р.М.* Российский пацифизм вчера и сегодня. М.: ИВИ РАН, 1992.
- (Ilyuhina R.M. Rossiyskiy patsifizm vchera i segodnya. Moscow, 1992.)
- [Иникова 1997] — *Иникова С.А.* История пацифистского движения в секте духоборов (XVIII—XX) // *Долгий путь российского пацифизма.* М.: ИВИ РАН, 1997. С. 122—136.
- (Inikova S.A. Istoriya patsifistskogo dvizheniya v sekte dukhoborov (XVIII—XX) // *Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma.* Moscow, 1997. P. 122—136.)
- [Клибанов 1969] — *Клибанов А.И.* Религиозное сектанство и современность. М.: Наука, 1969.
- (Klibanov A.I. Religioznoye sektantstvo i sovremen-nost'. Moscow, 1969.)
- [Крапивин и др. 2003] — *Крапивин М.Ю., Лейкин А.А., Далгатов А.Г.* Судьбы христианского сектанства в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- (Krapivin M.Ju., Lejkin A.A., Dalgatov A.G. Sud'by khristianskogo sektantstva v Sovetskoj Ros-sii (1917 — konets 1930-kh godov). Saint Pe-tersburg, 2003.)
- [Ленин 1978] — В.И. Ленин о Толстом / Сост. К.Н. Ломунов. М.: Современник, 1978.
- (V.I. Lenin o Tolstom / Comp. by K.N. Lomunov. Moscow, 1978.)
- [Общество истинной свободы 1917] — *Общество истинной свободы.* Опыт краткого изложения основ истинной свободы // *В чем истинная свобода? М.: Изд. О-ва истинной свободы в память Л.Н. Толстого, 1917. С. 3—8.*
- (Obschestvo istinnoy svobody. Opyt kratkogo izlozheniya osnov istinnoy svobody // *V chem istinnaya svoboda? Moscow, 1917. P. 3—8.*)
- [Петрус 1953] — *Петрус К.* Религиозные коммуны в СССР. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953.

- (*Petrus K. Religioznye kommuny v SSSR. New York, 1953.*)
- [Петухова 2008] — *Петухова Т.В.* Коммуны и артели толстовцев в советской России (1917—1929). Ульяновск: УЛГТУ, 2008.
- (*Petuhova T.V. Kommunyy i arteli tolstovtsev v sovet-skoj Rossii (1917—1929). Ul'yanovsk, 2008.*)
- [Рашковская, Рашковский 1993] — *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* «Милые братья и сестры!»: (Страницы истории толстовского движения 1914—1917) // Религии мира. История и современность, 1989—1990. М.: Наука, 1993. С. 154—168.
- (*Rashkovskaja M.A., Rashkovskij E.B.* "Milye brat'ya i sestry!": (Stranitsy istorii tolstovskogo dvizheniya 1914—1917) // *Religii mira. Istoriya i sovremennost'*, 1989—1990. Moscow, 1993. P. 154—168.)
- [Поздняков 1901] — Материалы к истории и изучению русского сектантства: В 9 вып. Вып. 1. Рассказ духоборца Васи Позднякова. Christchurch (Hants): A. Tchertkoff, 1901.
- (*Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva: In 9 iss. Iss. 1. Rasskaz dukhobortsa Vasi Pozdnyakova. Christchurch (Hants), 1901.*)
- [Савин 2018] — *Савин А.И.* «Рим горит, а христиане виноваты»: Жизнь и судьба трезвенника Ивана Колоскова // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 103—118.
- (*Savin A.I.* "Rim gorit, a khristiane vinovaty": Zhizn' i sud'ba trezvennika Ivana Koloskova // *Istoriicheskiy kur'er*. 2018. No. 1. P. 103—118.)
- [Савин 2020] — *Савин А.И.* Последние пассажиры «Философского парохода»: к истории высылки из СССР религиозных пацифистов // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 178—193.
- (*Savin A.I.* *Pоследние passazhiry "Filosofskogo parokhoda"*: k istorii vysylki iz SSSR religioznykh patsifistov // *Novoe proshloe / The New Past*. 2020. No. 4. P. 178—193.)
- [Саломони 1997] — *Саломони А.* Эмигранты-толстовцы: между христианством и анархизмом (1898—1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Ю. Шеррер, Б. Ананьича. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 112—127.
- (*Salomoni A.* *Emigranty-tolstovtsy: mezhdou khristianstvom i anarkhizmom (1898—1905 gg.)* // *Russkaya emigratsiya do 1917 goda — laboratoriya liberal'noy i revolyutsionnoy mysli* / Ed. by Yu. Sherrer, B. Anan'ich. Saint Petersburg, 1997. P. 112—127.)
- [Соловьев 1998] — *Соловьев К.А.* «Я сказал: вы — боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. («богочеловечество»). М.: МГУ, 1998.
- (*Solov'ev K.A.* "Ya skazal: vy — bogi...": religioznoe techenie v osvoboditel'nom dvizhenii 70-kh gg. XIX v. ("bogochelovechestvo"). Moscow, 1998.)
- [Толстой 1936] — *Толстой Л.Н.* Конец века // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Худ. лит., 1936. Т. 36. С. 231—277.
- (*Tolstoj L.N. Konets veka* // *Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow; Leningrad, 1936. Vol. 36. P. 231—277.)
- [Толстой 1950] — Толстой Л.Н. К рабочему народу // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1950. Т. 35. С. 122—150.
- (*Tolstoj L.N. K rabochemu narodu* // *Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochineniy: In 90 vols*. Moscow; Leningrad, 1950. Vol. 35. P. 122—150.)
- [Трегубов 1903] — *Трегубов И.М.* О всеобщей мирной стачке // Свободное слово / Parole Libre. Christchurch. 1903. № 7. Стб. 25—26.
- (*Tregubov I.M.* *O vseobshchey mirnoy stachke* // *Svobodnoe slovo / Parole Libre*. Christchurch. 1903. No. 7. Col. 25—26.)
- [Трегубов 1905] — *Трегубов И.М.* Георгий Гапон и всеобщая стачка // Освобождение. 1905. № 66. С. 264—265.
- (*Tregubov I.M.* *Georgiy Gapon i vseobshchaya stachka* // *Osvobozhdenie*. 1905. No. 66. P. 264—265.)
- [Черепица 2007] — *Черепица В.Н.* Счастье жить для других: западнобелорусские последователи религиозно-философского учения Л.Н. Толстого. 1921—1939 гг. Гродно: ГрГУ, 2007.
- (*Cherepica V.N.* *Schast'e zhit' dlya drugikh: zapadnobelorusskie nasledovateli religiozno-filosofskogo ucheniya L.N. Tolstogo*. 1921—1939 gg. Grodno, 2007.)
- [Чертков 1899] — *Чертков В.Г.* Предисловие // Листки Свободного слова. 1899. № 8. С. 1—2.
- (*Chertkov V.G. Predislovie* // *Listki Svobodnogo slova*. 1899. No. 8. P. 1—2.)
- [Чертков 1901—1905] — Материалы к истории и изучению русского сектантства: В 9 вып. Christchurch (Hants): Hants: A. Tchertkoff, 1901—1905.
- (*Tchertkoff A.* *Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva: In 9 iss*. Christchurch (Hants), 1901—1905.)
- [Чертков 1903] — *Чертков В.Г.* Насильственная революция или христианское освобождение? // Свободное слово. 1903. № 5. Стб. 25—27; № 6. Стб. 23—28; № 7. Стб. 20—23; № 8. Стб. 18—27; № 9. Стб. 21—24; № 10. Стб. 25—29.
- (*Chertkov V.G.* *Nasil'stvennaya revolyutsiya ili khristianskoe osvobozhdenie?* // *Svobodnoe slovo*.

1903. No. 5. Col. 25—27; No. 6. Col. 23—28; No. 7. Col. 20—23; No. 8. Col. 18—27; 1904. No. 9. Col. 21—24; No. 10. Col. 25—29.)
- [Чертков 1904] — *Чертков В.Г.* О революции: Насильственная революция или христианское освобождение? Лондон: Свободное слово, 1904.
- (*Chertkov V.G.* O revolyutsii: Nasil'stvennaya revolyutsiya ili khristianskoe osvobozhdenie? London, 1904.)
- [Чертков 1907] — *Чертков В.Г.* Наша революция. Насильственное восстание или христианское освобождение? М.: Тип. А.П. Попплавского, 1907.
- (*Chertkov V.G.* Nasha revolyutsiya. Nasil'stvennoe vosstanie ili khristianskoe osvobozhdenie? Moscow, 1907.)
- [Чертков 1917] — *Чертков В.Г.* О прекращении войны // Голос Толстого и Единение. 1917. № 2. С. 7.
- (*Chertkov V.G.* O prekrashchenii voyny // Golos Tolstogo i Edinenie. 1917. No. 2. P. 7.)
- [Чистов 2003] — *Чистов К.В.* Русская народная утопия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- (*Chistov K.V.* Russkaya narodnaya utopiya. Saint Petersburg, 2003.)
- [Шенталинский 2001] — *Шенталинский В.А.* Донос на Сократа. М.: Формика-С, 2001.
- (*Shentalinskij V.A.* Donos na Sokrata. Moscow, 2001.)
- [Эткинд 1996] — *Эткинд А.М.* Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. Т. 19. С. 275—319.
- (*Etkind A.M.* Russkie sekty i sovetskiy kommunizm: projekt Vladimira Bonch-Bruevicha // Minuvshee. Moscow; Saint Petersburg, 1996. Vol. 19. P. 275—319.)
- [Bestor 1948] — *Bestor A.* The Evolution of the Socialist Vocabulary // Journal of the History of Ideas. 1948. Vol. 9. No. 3. P. 259—302.
- [Brock 1997] — *Brock P.* Testimonies of Conscience Sent from the Soviet Union to the War Resisters' International 1923—1929. Toronto: Printed privately, 1997.
- [Coleman 2005] — *Coleman H.J.* Russian Baptists and spiritual revolution, 1905—1929. Bloomington: Indiana University Press, 2005.
- [Dekar 2016] — *Dekar P.R.* Dangerous People: The Fellowship of Reconciliation Building a Non-violent World of Freedom, Justice, and Peace. Virginia Beach, VA: Donning Company Publishers, 2016.
- [Kenney 2002] — *Kenney P.* A Carnival of Revolution. Central Europe 1989. Princeton: Princeton University Press, 2002.
- [Ojajärvi 2020] — *Ojajärvi R.* The Spirit of Comintern? Historical contexts of the Movement towards Christian International, 1919—1923 // Kirliche Zeitgeschichte / Contemporary Church History. 2020. No. 1. P. 168—178.
- [Pauli 2015] — *Pauli B.J.* Pacifism, Nonviolence, and the Reinvention of Anarchist Tactics in the Twentieth Century // Journal of the Study of Radicalism. 2015. Vol. 9. No. 1. P. 61—94.
- [Prasad 2005] — *Prasad D.* War is a Crime against Humanity: The story of War Resisters' International. London: War Resisters' International, 2005.
- [Sanborn 2003] — *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.
- [Scott 1985] — *Scott J.* Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Haven; London: Yale University Press, 1985.